

9. Тензин Ч. М.-Х. Буддизм в духовной жизни тувинского общества // Вестник бурятского государственного университета. 2018. № 3. Т. 1. С. 87–93.

10. Тарбастаева И. С. Буддийские ценности как возможная экономическая детерминанта развития тувинского общества // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/772> (дата обращения : 17.10.2019).

ГРНТИ 03.23

УДК 908

М. Ю. Горожанина
КубГУ, г.Краснодар.

M. U. Gorozhanina
KubSU, Krasnodar

**ПРАВОСЛАВИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА конец XIX – начало XX вв.**

**ORTHODOXY in the DAILY LIFE
OF THE KUBAN COSSACKS XIX – n. XX centuries**

В статье рассмотрены основные аспекты повседневной жизни Кубанского казачества XIX – н. XX вв. В работе показаны изменения в казачьем быте и духовности, обозначены причины этого. В истории казачьей повседневности XIX выделяется два периода: первый 1860–1900, второй 1900–1920 гг. За основу периодизации взяты изменения в социально-политической и духовной сферах казачьего общества. Заметное влияние на казачью повседневность оказали три фактора: среда обитания казаков, род деятельности, религиозное мировоззрение. Вера определяла весь жизненный цикл казачества. Отход от вековых традиций, увлечение либерализмом стали одной из причин ослабления нравственных устоев.

The article describes the main aspects of the everyday life of the Kuban Cossacks XIX – early XX centuries the paper shows changes in Cossack life and spirituality, identified the reasons for this. In the history of Cossack everyday life of the NINETEENTH two periods are distinguished: the first 1860–1900, the second 1900–1920. The basis of periodization is changes in the socio-political and spiritual spheres of Cossack society. Three factors had a noticeable impact on the Cossack everyday life: the habitat of the Cossacks, occupation, religious Outlook. Faith determined the whole life cycle of the Cossacks. Departure from the age-old traditions, fascination with liberalism became one of the reasons for the weakening of moral foundations.

Ключевые слова: православие, Кубанское казачество, повседневность, духовная культура, праздники, традиции.

Keywords: Orthodoxy, Kuban Cossacks, everyday life, spiritual culture, holidays, traditions.

В последнее время одним из популярных направлений исторической науки становится история повседневности. Именно обращение к будням жизни простого человека позволяет не только реконструировать историческое прошлое, но и понять мотивацию тех или иных человеческих поступков, прочувствовать дух изучаемой эпохи. Как верно замечал В. О. Ключевский: «История это не только события, но и скарб обычаев, традиций, обрядов. Я не знаю, каков будет человек через тысячу лет; но отнимите у современного человека этот нажитой и доставшийся ему по наследству скарб обрядов, обычаев и всяких условностей – и он все забудет, всему разучится и должен будет все начинать сызнова» [1, с. 284]. В этом плане представляется актуальным изучение повседневной жизни кубанского казачества, сыгравшего важную роль в российской истории.

На формирование повседневной жизни казачества заметное влияние оказали три фактора: среда обитания, вид деятельности, религиозное мировоззрение.

В истории казачьей повседневности XIX в. выделяется два периода: первый 1860–1900, второй 1900–1920 гг. За основу периодизации взяты изменения в социально-политической и духовной сферах казачьего общества.

Для первого периода характерен более закрытый тип культуры. В это время, несмотря на наплыв иногороднего населения, казаки по-прежнему сохраняют самобытность духовной культуры, процессы взаимопроникновения и взаимовлияния весьма слабы, все еще наблюдается отличие в традициях и обычаях черноморцев и линейцев. В семейном укладе доминирует патриархальность и верность дедовским традициям. Практически все источники свидетельствуют о глубокой набожности казаков. Кроме тщательного соблюдения всех постов, каждое воскресенье присутствуют кубанцы на божественной литургии. Примечательно, что даже сильный мороз не являлся для них помехой. Так, в летописи церкви Архангела Гавриила станицы Новомышастовской рукой священника записано: «1883 г. В этом году зима была крайне холодная и снежная... Храм Божий все казаки посещают прилежно даже в плохую погоду. 1884 г. Зима настолько холодная, что до окончания литургии св. кровь Христа в чаше

покрывалась тонким слоем льда, а св. агнцы на дискосе отвердевали, словно засушенные на огне. Руки священника коченели так, что трудно было сложить пальцы для крестного знамения и благословления людей. Так продолжалось весь январь, но каждое воскресенье храм был полон народу» [2].

Набожность казаков находила отражение и в ревностном соблюдении постов. Очень часто источники сообщают следующее: «Даже детям и больным дают в пост скоромную пищу не иначе как с благословления священника, а некоторые взрослые больные, даже при разрешении священника предпочтут скорее проболеть более продолжительное время или даже расстаться с жизнью, чем оскоромиться в постные дни. Мало этого приезжие в станицу во время поста, если бы даже просили хозяйку накормить скоромной пищей, получили бы отрицательный ответ. Помимо этого ни одна казачка не продаст молока или яиц, зная, что все это будет употреблено в пост» [3, с. 699]. В великий пост обязательно говели и все казаки, находящиеся на службе. Составлялись особые исповедальные листы по всем казачьим частям, где отдельной строкой указывались лица, не желавшие поститься и причащаться. Вплоть до 1905 г. таких казаков практически не было, за исключением сильно больных либо находящихся вне части, а вот после принятия закона о свободе вероисповедания картина чуть изменяется, тем не менее говеющие составляют по Кубанскому казачьему войску по-прежнему подавляющее большинство.

Религиозность казаков находила отражение и в широкой благотворительности. Щедро одаривали казаки свои приходские Церкви дорогими иконами, богатыми ризами и церковной утварью. К концу 1890-х гг. между станицами даже возникло некое соревнование, у кого будет храм больше и красивее. Поэтому поводу владыка Агафадор даже сетовал, во время посещения церкви в ст. Новомышастовской в 1896 г. он заметил: «Храм очень просторный, а акустика слабая, поэтому в конце его почти ничего не слышно. Лучше строить храмы размером поменьше, а по их количеству побольше» [4].

Старательно выполняли казаки и главные христианские заповеди. «Никто не осмеливался нарушить обета, данного перед Богом в трудную минуту жизни, посещение монастырей, принятие в доме странника-богомольца, кормление нищих, помощь больным, страждущим – все это тщательно выполняли все станичники» [5, с. 700].

В это время особенно много внимания у духовенства занимает просветительская деятельность. Стремясь повысить образовательный уровень населения с 80-х гг. XIX в. при многих церквях стали

продавать духовную литературу, даже появился своеобразный вид благотворительности – книжный, когда священнослужители раздавали душеполезные книги всем желающим. При многих храмах стали открываться библиотеки. К концу XIX в. практически каждый благочинный округ насчитывал до 10 церковных библиотек [6, с. 407]. Вместе с тем уровень религиозного образования в обществе был далек от идеала. В епархиальном отчете за 1888 г. епископ Владимир писал: «Несмотря на старание духовенства, состояние религиозно-нравственного образования паствы желает лучшего. В лучшем случае прихожане знают начальную молитву и Символ веры, но даже их не всегда понимают, а порой и искажают» [7].

В целом же на первом этапе нравственность казаков была весьма удовлетворительной, главным пороком считалось пьянство и воровство, семьи отличались достаточно крепким укладом, разводы были крайне редки, старшие дети заботились о младших. Особой любовью у казаков помимо родителей пользовалась их старшая сестра, которая по сути была их нянькой и воспитательницей. Не случайно молодожены, несмотря на популярную на Кубани поговорку: «Мальчик зернышко, а девочка полова», всегда просили о даровании вначале дочери, а затем уже сына, доверяя народной мудрости: «Вначале нянька, а затем уже лялька». Привязанность к старшей сестре сохраняли братья, даже после ее замужества. Никогда не оставляли ее в беде, в случае вдовства брали на иждивение, в случае смерти сестры обязательно становились приемными родителями для ее детей.

С наступлением второго этапа 1900–1920 гг. ситуация несколько изменилась. Для этого периода характерно было активное проникновение либеральных идей и мещанских ценностей в духовную культуру казачества. В это время наблюдается процесс интеграции различных культур, что находит отражение в попытке войсковой власти выработать единые духовные традиции как у черноморцев, так и у линейцев. Для этой цели даже был объявлен общий покровитель Кубанского казачества Святой благоверный князь Александр Невский и учрежден общевойсковой праздник. Но, несмотря на все усилия, черноморцев и линейцев объединяли не новые традиции, а общее падение морали, проникновение атеистической пропаганды в казачью среду.

В это время заметно ослабла тяга к образованию среди казачества. Довольно часто приходские сходы на предложение священнослужителей открыть школу стали отвечать отказом, и священникам приходилось использовать все свое красноречие для того, чтобы

изменить ситуацию. Так в 1900 г. в Ейске была создана первая женская церковно-приходская школа лишь благодаря заботам священника И. Семилуцкого, который сумел убедить казака Д. Ольховского отремонтировать за свои средства полуразрушенный дом и подарить его школе [8].

Начавшаяся революция 1905–1907 гг. еще более обострила проблему и внесла раскол в среду православного духовенства, одна часть которого стремилась улучшить свое положение посредством введения государственного жалования, другая, напротив, добиться полной самостоятельности и независимости от государства. Ситуация усугублялась принятием в апреле 1905 г. указа о религиозной веротерпимости, согласно которому православие из некогда духовного стержня России, превращалась в обычную религию, которая уравнивалась в правах с другими конфессиями, а по сути во многом ущемлялась. Впервые в православной Руси были отменены обязательная исповедь и причастие для военнослужащих, а в Великий пост не закрывались театры. Все это негативно отражалось на духовном состоянии общества. Пытаясь изменить ситуацию, епархиальными властями было решено активизировать религиозные беседы с населением, которые стали проводиться каждое воскресенье. Но этой меры было явно недостаточно, тем более что духовный кризис затронул и некоторых представителей духовенства. Так, в отчетах благочинных стали появляться сообщения такого рода: «Отцы-настоятели лучше истратят лишние 100 рублей на парчевое облачение, чем накупят на эту сумму полезных журналов и газет» [9].

Помимо этого некоторые священники не только поддержали революционные события 1905–1907 гг., но и сами стали выступать инициаторами перемен в вековой церковной службе. Так, священник Н. Глаголев в 1906 г. в своей статье, помещенной в Ставропольских епархиальных ведомостях, предлагал отменить поклоны. По этому поводу он писал: «Мы духовенство задумали со всей Россией обновиться. Очиститься, Совлечь ветхозаветного человека и вдруг стояние на коленях такая отсталость. Поклоны унизительны по своей бессмысленности. Их можно сравнить с побоями и розгами. Ныне, отошедшими в область преданий» [10, с. 234].

Естественно, все это негативно отражалось на нравственном климате казачьего общества. Все чаще стали появляться сообщения о разводах, родители жаловались на неуправляемых детей, резко возросло пьянство и как следствие преступность. Так, в одном из отчетов по Кубанской области сообщалось: «За 12 лет с 1899 по 1911 душевое

потребление водки выросло в 3 раза. За 2 года с 1909–1911 число преступлений выросло в 2 раза» [11, с. 5].

Вседозволенность, влияние городской среды негативно отражались и на женском целомудрии, все чаще стали встречаться случаи, когда девушки теряли целомудрие еще до свадьбы. В то же время в казачьей среде все это вызывало массовое осуждение. По-прежнему кубанцы старались соблюдать христианские заповеди, почтительно относились к старшим, берегли честь мундира, продолжали заниматься благотворительностью.

Решая социальные проблемы, священнослужители параллельно вели борьбу с такими человеческими пороками как пьянство, лень, ложь, нарушения закона, уделялось внимание и патриотическому воспитанию. Так, с началом Первой мировой войны во всех войсковых частях новобранцам стали преподавать историю полка, к которому он прикреплялся. На героических примерах прошлого активно велось патриотическое воспитание и допризывной кубанской молодежи. Часто на местах бывших сражений проводились своеобразные уроки памяти. Особенно бережно относились казаки к мемориальным доскам, прибитым к стене православного храма с высеченными именами погибших в разное время воинов из данного прихода. Слушая произносимое во время панихиды имя геройски павшего деда, внук давал себе обет не запятнать честь предка.

Таким образом, несмотря на атеистическую пропаганду, популяризацию либеральных идей, в общем духовное состояние казачьего общества было намного лучше, чем в других регионах России. Оставались верными традиции отцом кубанские казаки и накануне революции 1917 г. Продолжали ходить в храм, соблюдать посты, торжественно отмечали все церковные праздники, особенно выделяя Пасху и Рождество.

Как и сто лет назад казачки готовили себе приданное примерно с 11-летнего возраста, старательно добела выполаскивали многометровые полотна сотканной ткани. Именно по ним будущая свекровь определяла трудолюбие своей невестки: чем больше их было собрано, тем прилежнее считалась сноха. Долгими зимними вечерами, за исключением праздничных и воскресных дней, юные казачки пряли, шили, вышивали рушники и рубашки, с любовью украшали простыни ажурным кружевом, а затем все это бережно складывали в сундук невесты.

Специального свадебного наряда не было: шилась обычная одежда, но из лучших тканей. Казаки на свадьбу надевали казачью форму,

казачки – праздничную «парочку», юбку и кофту светлых тонов с мелким рисунком или розовое, голубое, бежевое платье. Свадебный костюм полагалось бережно хранить в сундуке: очень часто его использовали в качестве погребального костюма («одежда на смерть»), а в случае надобности как средство лечебной магии. На Кубани существует поверье, что если завернуть в свадебное платье больного ребенка, он выздоровеет. Большое значение в свадебном обряде казаков, как в прочем и всего славянского населения, играло полотенце (рушник). Держась за него, жених и невеста шли венчаться в церковь. На рушник ставили свадебный каравай. Полотенце служило подножником, который расстилали в церкви под ногами молодых. Полотенцами перевязывались различные свадебные чины (сваты, дружок, дружка). Почти все свадебные полотенца богато украшены на концах кружевом ручного плетения.

Женское население Кубани очень часто за помощью обращалось к целому сонму святых. Так, св. Параскеву Пятницу просили облегчить нелегкую женскую долю, Св. Пантелеймона дать здоровья, св. Екатерину помочь в замужестве или семейной жизни, св. Николая Чудотворца, Иоанна Воина и Георгия Победоносца молили не оставить в беде супруга. На Кубани среди казачек даже бытовало поверье, если во время военной отлучки мужа пожертвовать вышеуказанным иконам на ризу, то супруг обязательно вернется невредимым.

В целом же кубанское казачество даже незадолго до революционных событий 1917 г. отличалось высокой религиозностью. Наряду с христианскими заповедями строго в казачьей среде соблюдали обычаи, поверья, которые являлись жизненно-бытовой необходимостью каждой казачьей семьи. Как и сто лет назад особо чтили казаки крестных и родных родителей. Сыновний и дочерний долг перед ними считался исполненным после того, когда будут справлены поминки сорокового дня, после ухода их в мир иной. Крестная мать помогала родителям готовить к будущей замужней жизни девочку-казачку, приучала ее к домашнему хозяйству, рукоделию, бережливости, труду. На крестного отца возлагалась главной обязанностью подготовка казачонка к службе.

Авторитет отца с матерью был настолько почитаем, что без их благословения не начинали никакую работу. В обращении с родителями и вообще со старшими соблюдались сдержанность, вежливость и уважительность. На Кубани обращались к отцу, матери только на «Вы» – «Вы, мама», «Вы, тату». Старшинство являлось жизненным укладом казачьей семьи и естественной необходимостью повседневного быта, что скрепляло семейные и родственные узы и помогало

в формировании характера, которого требовали условия казачьей жизни.

Как и сто лет назад, почитали казаки стариков, считалось непристойным обгонять на улице человека старшего по возрасту без испрошения на то у него особого разрешения. Никогда кубанцы не обращались к пожилым людям словами «дед», «старый», а всегда нежно произносили «батько».

Сохраняли кубанцы и хлебосольство, доставшееся им от предков, которые считали любого гостя посланцем Божьим, в связи с этим особым вниманием окружали незнакомого человека, случайно появившегося в их доме. Независимо от возраста гостя, ему отводилась лучшее место за трапезой и на отдыхе. Считалось неприличным в течение 3-х суток спрашивать гостя, откуда он и какова цель его прибытия.

К началу XX в. не произошло заметных изменений и организации семейной жизни. Как и прежде, взаимоотношения между мужем и женой строились по православным традициям: «Не муж для жены, а жена для мужа». «Да убоится жена мужа». При этом придерживались вековых устоев – мужчина не должен вмешиваться в женские дела, женщина – в мужские. Обязанности были строго регламентированы самой жизнью. Кто и что в семье должен делать – четко разделено. Считалось за позор, если мужчина занимался женскими делами. Так же было не принято у казаков делиться своими семейными проблемами с другими. Все семейные отношения строились по принципам: «чужая семья потемки», «не выноси сор из избы». Это правило, правда, не распространялось на воспитание детей, провинившегося отрока легко мог отрепать за уши любой из прохожих, ставший свидетелем его проступка.

Кубанские казаки, как и их предки, весьма почтительно относились к казачкам, оскорбление женщины считалось недопустимым. Своим долгом считал любой казак помочь семье погибшего товарища, часто испытывал он неловкость за то, что остался жив, стоя перед убитыми горем родителями, потерявшими сына. Очень хорошо эти чувства в своих воспоминаниях передал Ф. И. Елисеев, рассказывая о встрече с родителями убитого товарища. «Обнимаю и целую старушку, залившуюся при виде меня еще больше горячими слезами. Все ведь они знают меня еще с пеленок как своего родного соседа-казачонка, и вот теперь я – офицер, живой, здоровый, веселый, счастливый и прибывший с фронта, где погиб их старший сын, будущий кормилец стариков. Рядом стоит сноха, жена Гриши. Стоит, горестно

потупившись, и молча плачет. Я ее раньше не знал. Она «с чужого края станицы». – Жена Гриши? – спрашиваю ее, сам уже готовый расплакаться. А она, горемычная вдовушка в свои 22 года, вместо ответа бросилась ко мне, повисла на шее и залила слезами и мои боевые ордена, и аксельбанты, и своим неутешным горем перевернула всю мою душу. И мне стало так неловко, даже стыдно, что я так нарядно одет, когда у них большое и непоправимое семейное горе. И мои боевые офицерские ордена, честно заслуженные в должности младшего офицера сотни, меня уже смущали и давили на психику...» [12, с. 47].

Большим грехом считалось у казаков отказать в просьбе просящего и в подаении нищему, жадность вызывала презрение, так же как и обман, что нашло отражение в популярной на Кубани поговорке: «Изверился человек в рубле, не поверят и в игле».

Казачата отличались тактичностью и вежливостью, всякая брань жестко пресекалась, детям строго запрещалось сидеть во время приема гостей за одним столом со взрослыми. Долгие годы на Кубани в станицах приветствовали всякого встречного человека.

Таким образом, подводя итог данному исследованию, следует особо подчеркнуть важную роль православия в формировании казачьей повседневности. Вера определяла все сферы жизни казачества, оказывала заметное влияние на его будни и праздники. Разрушение сословной замкнутости, проникновение на Кубань либеральных ценностей, атеистических идей негативно отражалась на духовных устоях казачьего общества.

Библиографический список

1. Ключевский В. О. Курс русской истории: сочинения : в 9 томах. Т. 8. М. : Мысль, 1987.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК) Ф 1. Оп. 1. Д. 499. Л. 10 об.
3. Кубанский сборник 1883. Т. 1. С. 699.
4. ГАКК. Ф 1. Оп. 1. Д. 499. Л. 21.
5. Кубанский сборник 1883. Т. 1. С. 700.
6. Кавказские епархиальные ведомости. 1882. № 2.
7. Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК) Ф. 135. Оп. 47. Д. 5. Л. 57.
8. ГАСК. Ф. 135. Оп. 66. Д. 624. Л. 243.
9. ГАСК. Ф. 135. Оп. 66. Д. 624. Л. 79.
10. Ставропольские епархиальные ведомости 1906. № 5.

11. Кубанская область в недавнем прошлом и настоящем. Екатеринодар, 1911.

12. Елисеев Ф. И. Казаки на Кавказском фронте. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М. : Воениздат, 2001.

ГРНТИ 18.71

УДК 7.011.3 : 39

А. В. Березина
УГЛТУ, г. Екатеринбург
A. V. Berezina
USFEU, Yekaterinburg

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА МАРИЙЦЕВ УРАЛА
КОНЦА XX-го – НАЧАЛА XXI вв.
КАК ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ARTISTIC CULTURE OF MARI URALS
IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES AS A STREAM
OF CULTURAL IDENTITY**

Автор обращается к анализу форм художественной культуры марийцев Урала XX в., которая исследуется исходя из задач и особенностей развития ее материальной и духовной составляющих. Данный подход позволяет выявить потенциал сохранения этнокультурной идентичности представителями данного этноса. Так, выявлено, что с процессом заимствования идет процесс культурного отгораживания.

В работе использованы результаты полевых исследований, проведенных в 2017–2019 гг. в Пермском крае и Свердловской области.

The author turns to the analysis of the forms of artistic culture of the Mari of the Urals of the 20th century, which is studied on the basis of the tasks and developmental features of its material and spiritual components. This approach allows us to identify the potential for preserving ethnocultural identity by representatives of this ethnos. So, it was revealed that with the process of borrowing, a process of cultural fencing is going on.

The work uses the results of field studies conducted in 2017–2019 in the Perm Territory and Sverdlovsk Region.

Ключевые слова: художественная культура, культурная идентичность, марийцы Урала.

Keywords: art culture, cultural identity, Mari Urals.